

Лидер важнейших направлений

Ю. Н. СМИРНОВ

В конце марта 1960 г. в коридорах физического факультета Ленинградского университета появились два невысоких коренастых молодых человека. День за днем они приходили в деканат и исчезали за его дверь. Молчаливые, всегда вместе, оба в очках, в безупречных новых костюмах и каждый со сверкающей золотой медалью лауреата Ленинской премии. Они сразу привлекали внимание и вызывали невольное любопытство. Незнакомцы вполне сошли бы за близнецов, если бы не их совсем непохожие лица.

Вскоре мы узнали, что молодые люди – сотрудники какого-то «почтового ящика» и что они, изучая наши личные дела и другие документы, интересуются именно физиками-теоретиками. Наконец, то ли шести, то ли семи студентам-выпускникам из нашей малочисленной группы передали, чтобы 1 апреля они пришли на собеседование в кабинет академика В. А. Фока.

В назначенный день Фок отсутствовал, а за его столом уже расположились оба гостя. Теперь мы узнали, что это Ю. Н. Бабаев и Ю. А. Трутнев. После нескольких вопросов по курсу теоретической физики, заданных каждому из нас, гости предложили Саше Рассказову и мне работать в их «ящике». На вопрос, чем предстоит заниматься и куда ехать, Ю. Н. Бабаев молча показал свой паспорт с московской пропиской, а Юрий Алексеевич добавил, что работать придется над самыми современными вопросами, с очень интересными людьми. Ответ показался туманным, и я решил все выяснить самостоятельно.

Рассуждал просто. Ленинская премия была восстановлена лишь три-четыре года назад. Список лауреатов есть в газетах, и, казалось, не составит труда установить, в какой области отличились приехавшие молодые люди. Не тут-то было: в опубликованных списках ни Ю. Н. Бабаев, ни Ю. А. Трутнев не значились! Эта неожиданность сильно удивила меня. Стало ясно, что лауреатов Ленинской премии в действительности больше, чем можно было думать. И все-таки от профессора Г. Ф. Друкарева, который читал нам курсы квантовой механики и теории

Ю. А. Трутнев – студент

относительности, я узнал, что, скорее всего, мы попадем к Я. Б. Зельдовичу. Тематика будущей работы так и осталась загадкой, зато к Якову Борисовичу интерес резко вырос.

Через день или два я вновь случайно встретился с новыми знакомыми недалеко от здания химического факультета на Среднем проспекте. Кто бы мог подумать, что по тротуару среди прохожих идут навстречу они, создатели нашей самой совершенной водородной бомбы на тот момент времени! Естественно, я не мог себе представить, что один из них – Юрий Алексеевич – так сильно повлияет на мою судьбу.

В середине августа мы с Сашей Рассказовым были уже в Сарове, в здании на 21-й площадке, где работали физики-теоретики. И именно эти два человека в первый же день представили нас А. Д. Сахарову.

Юрий Алексеевич немедленно взял меня в оборот и порекомендовал познакомиться с несколькими сверхсекретными отчетами. Все это, как и тематика подразделения, занятого совершенствованием термоядерного оружия, было мне в диковинку. Бросалось в глаза, что к Юрию Алексеевичу, который не обладал тогда еще никакими учеными степенями, очень внимательно

Новая книга. Подарок Ю. Н. Смирнову

прислушивались не только сотрудники отдела, но даже академик Сахаров. Для вчерашнего студента это было не слишком привычно.

Сдержанный и серьезный в Ленинграде, здесь он сразу расположил к себе открытостью и доступностью. Он включался в любую дискуссию, с ним запросто можно было сразиться в шахматы или пинг-понг. А после работы, если он оказывался за рулем своей новенькой «Волги», случалось, и подъехать к дому. Причем было видно, что водитель он начинающий и очень осторожный.

На работе Юрий Алексеевич немедленно откликнулся на малейшую просьбу. Усаживался рядом за рабочий стол, доставал из нагрудного кармана миниатюрную логарифмическую линейку и пояснял, что и как надо делать, на что обратить внимание. Особенно лихо получались у него интерполяционные формулы для экспериментальных кривых – фокус, который для выпускника университета, помешанного на элементарных частицах, диаграммах Фейнмана и теории относительности, казался непривычным и даже приземленным. Но подобными нехитрыми, на первый взгляд, приемами в сознание новичка постепенно внедрялось, как делается прикладная наука, что является главным в той или иной конструкции.

Прошло еще какое-то время, и стало ясно, что у Юрия Алексеевича особое чутье на непривычную, совсем не университетскую физику. Что он свободно ориентируется там, где вла-

ствует стихия экстремальных давлений, температур и плотностей излучения, где надо выстраивать последовательную цепочку событий во времени, а разыгрывающиеся сложнейшие процессы в прямом смысле делятся мгновение. Одним словом, его стихия – не просто взрыв, а взрыв атомный или водородный. Пришло понимание, что в технике, которую создают в Сарове, он – специалист экстракласса. Причем всегда остается физиком, но только сформировавшимся в сугубо прикладной науке, наполненной непривычным содержанием.

Позднее я прочитал замечательные слова в адрес Юрия Алексеевича, написанные основоположниками этой специфической «саровской» науки – Яковом Борисовичем Зельдовичем и Андреем Дмитриевичем Сахаровым. По существу, признание «вслух».

А. Д. Сахаров: «В 1954 г. Трутнев явился одним из соавторов в важнейшем изобретении, определившим весь дальнейший ход работы на объекте... Он вырос в одного из ведущих специалистов в области специальной тематики, своим неустанным личным и организационным трудом внес огромный вклад в дело выполнения задач, стоящих перед объектом и перед Министерством в целом».

Я. Б. Зельдович: «Вы росли, и росла и крепла наша новая техника; и в этом есть огромная Ваша заслуга. Старшее поколение – и я в том числе – очень многому научились от Вас. У Вас есть замечательный свежий подход к самым трудным проблемам... На этом пути Вы были лидером важнейших направлений... У меня навсегда остается чувство большой человеческой дружбы к Вам, чувство уважения к Вашему таланту и смелости. Еще проще и короче – чувство любви к Вам и сожаления, что мы мало встречаемся».

Такие слова, высказанные легендарными нашими корифеями, говорят сами за себя и дорогого стоят.

А Юрий Алексеевич, как говорится, никогда не снижает обороты. Остается таким же неутомимым и азартным в поиске. Не случайно, уже в конце июля 1962 г., ему без защиты диссертации, минуя кандидатскую степень, сразу присваивают степень докторскую, а еще через два года он первым из «коренных» саровчан, приехавших на «объект» молодыми специалистами, был избран членом-корреспонден-

Ю. А. Трутнев с теоретиками

том Академии наук СССР. Это был настоящий триумф!

Теперь Ю. А. Трутнев – признанный ученый, академик, которому в значительной мере страна обязана созданием современного отечественного ядерного щита.

Меня восхищает, что он, несмотря на свои многочисленные регалии, звания и награды, остается легким на подъем и таким же доступным и открытым, как прежде. При встрече, приглашая в гости, он усаживал в машину и лихо подъезжал сначала к магазину, закупая всякую всячину. А дома сам вставал к плите, готовя фирменное блюдо и одновременно сервируя стол. Даже в московской гостинице он оставался хлебосольным хозяином и без угощения не отпускал.

Я вспоминаю замечательную сцену в венском отеле «Принц Евгений». Мы с Виктором Борисовичем Адамским сидели в моем номере и обсуждали предстоящий доклад на конференции, как раздался стук в дверь и вошел торжествующий, сияющий Юрий Алексеевич с «Johnnie Walker» в руке: «Вот ты где! Еле нашел!». Оказывается, он только что прилетел из Амстердама. Через наше представительство в Вене навел справки, где проходит конференция, в каком отеле расположились ее участники, и сразу приехал.

В таком составе, втроем, мы впервые встретились в другой стране. Да и вообще вне Сарова не встречались вместе нигде со времени

поездки в Оленью в октябре 1961 г., куда выезжали для участия в испытании 50-мегатонной супербомбы. Тогда с нами был еще и Юрий Николаевич Бабаев. Встреча в номере венского отеля была уникальной, незабываемой, настоящим сюрпризом. Мы проговорили допоздна и, конечно, отметили, насколько непредсказуемо изменились обстоятельства: ведь каждый из нас еще несколько лет назад был абсолютно невыездным!

Обращаясь к прошлому, Юрий Алексеевич – беспредельно щепетилен. Готовясь к своему сообщению или работая над статьей, он снова и снова поднимает старые отчеты и документы, чтобы никого не обидеть и не забыть. Он лишней раз позвонит, обсудит, и перечитает текст. Все с единственной целью – быть точным.

Он хранит благодарную память о своих учителях. Когда я впервые оказался в его новом рабочем кабинете, он тут же увлек меня в комнату отдыха и показал большие портреты А. Д. Сахарова и Я. Б. Зельдовича. А также портрет своего друга и коллеги Ю. Н. Бабаева.

СМИРНОВ Юрий Николаевич –
ведущий научный сотрудник ИАЭ
им. И. В. Курчатова, участвовал в разработке
сверхбомбы и ее испытаниях 30 октября 1961 г.